

Активизация политики скрытого протекционизма в XX-XXI вв.

Чичилимов Сергей Валерьевич

аспирант

ФГБУН Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: sergey.chichilimov@gmail.com

Аннотация. На протяжении XX-XXI вв. нарастало противостояние концепций свободной торговли и протекционизма. Цель исследования: выявление ключевых факторов активизации и главных особенностей складывающейся в мировой внешнеторговой практике политики легализованного скрытого протекционизма. Предмет исследования: механизмы скрытой защиты, применяемые лидерами глобальной хозяйственной системы и претендентами на их место в рамках исследуемого периода. Основу методического аппарата составили синтез, библиографический и ретроспективный анализ, сравнение и системно-структурный подход. Рабочая гипотеза исследования состоит в доказательстве активизации легализованных на государственном уровне инструментов скрытого протекционизма в рамках борьбы за мировую хозяйственную гегемонию. В ходе исследования выделено три подэтапа становления системы скрытого протекционизма на протяжении XX-XXI вв. Установлено, что в условиях западнцентричной глобализации, для которой характерен дуализм внешнеторговой политики хозяйственных гегемонов, происходило ускоренное развитие механизмов скрытой защиты. К третьему десятилетию XXI в. крах глобализационной модели, выстроенной экономическими лидерами исследуемого периода, привел к началу формирования многополярного мира и нарастанию нового витка конкуренции между гегемонами и претендентами на их место. Вместе с этим обновлялась система скрытого протекционизма, катализаторами чего стали укрупнение противостояния Глобального Севера и Глобального Юга, усугубление энергетического кризиса, обострение оставшихся неразрешенными противоречий «однополярного» периода. Одна из главных особенностей обновленной версии скрытого протекционизма – все большая легализация защитного инструментария на национальном уровне и, как следствие, укоренение торгово-силовых и санкционных методов воздействия на конкурента.

Ключевые слова: глобализация, международная торговля, мировая экономика, протекционизм, свободная торговля, скрытый протекционизм

JEL codes: F02, F41, F55

Для цитирования: Чичилимов, С.В. Активизация политики скрытого протекционизма в XX-XXI вв. / С.В. Чичилимов . - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №4. - С.108-120. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.04.2023)

Введение

В рамках выявленного ранее Большого современного этапа (БСЭ) развития научной мысли в области международной торговли и внешнеэкономической деятельности (1920-е – 2020-е гг.) [1, с. 22] противостояние фритредерства и протекционизма резко обострилось. Одна из его принципиальных особенностей состоит именно в том, что «...богатые страны склонны навязывать бедным странам теории, которым они сами никогда не следовали и, скорее всего, никогда не последуют» [2, р. 118]. Однако до недавних пор лидеры современной мировой экономики предпочитали избегать прямой конфронтации с нормами Всемирной торговой организации и десятью положениями Вашингтонского консенсуса. Вместо этого как гегемоны, так и претенденты на хозяйственное лидерство старались задействовать скрытые механизмы защиты национального хозяйства. Их активизацию спровоцировали процессы интернационализации и глобализации, породившие ряд острых противоречий, вылившихся в характерные для 2020-х гг. деглобализационные трансформации и, соответственно, дуализм во внешнеторговой политике государств и регионов. Предваряя рассмотрение сути и механизмов проявления скрытого протекционизма, постараемся собрать контуры детерминант, под влиянием которых происходило его становление в рамках подэтапов БСЭ. Для экономии места сведем узловые факторы в единую матрицу (табл. 1).

Становление системы скрытого протекционизма в XX в.

Начало подэтапа «Противоборство фритредерства и протекционизма» ознаменовалось стартом Глобализации 1.0 [3, с. 209] и перемещением глобального экономического лидерства в Новый Свет, принявший порядка 64% [4, с. 24] от 60 млн человек [5], переехавших на американский континент за 1870-1914 гг. В их числе оказалось немало носителей уникальных компетенций, определивших в последующем приоритет американской науки в авиастроении (И. И. Сикорский), биохимии (Ф. А. Левин), микробиологии (С. Я. Ваксман), органической химии (М. Г. Гомберг), электротехнике (В. К. Зворыкин), пр. Подпитка в виде дешевой рабочей силы и расширение рядов среднего класса в США позволили начать процесс перехода к обществу массового производства, фундаментом которого стал запущенный на производстве Г. Форда в 1913 г. конвейер – ключевая конкурентная инновация в промышленности и фундамент политики экспортрасширения в начале XX в.

Ослабление британской экономической мощи продолжилось с падением финансового сектора страны. Первая мировая война (1914 – 1918 гг.) подорвала основы золотодевизного стандарта фунта стерлингов. Его паритет удалось восстановить после окончания конфликта, однако в 1931 г. Банк Англии, не справившись с выплатами золотом Рейхсбанку и Банку Франции, объявил о переходе фунта стерлингов к плавающему курсу, что обрушило национальную валюту Англии на 25% [6].

В этот же период происходит образование и становление СССР как будущего центра второго полюса силы – социалистического блока. На СССР и США к 1950 г. будет приходиться 37% мирового ВВП и 13,1% населения Земли. Для Великобритании эти показатели на середину XX в. равнялись 6,5 и 2%, соответственно.

Практически половину рассматриваемого подэтапа в мировой торговле доминировал протекционизм. В 1930 г. в США приняли тариф Смута-Хоули, по которому ввозные пошлины поднимались в среднем на 20% [7], с 1931 г. Франция, Германия и Голландия на продукцию из стерлинговой зоны вводили компенсирующие девальвацию фунта стерлингов пошлины в размере 15-25%. Однако, по подсчетам экспертов, 55% сокращения мировой торговли за 1929-1932 гг. стали следствием не Великой депрессии, а усиления тарифных и нетарифных барьеров в сфере торговли [8, р 104].

Таблица 1 – Матрица детерминант активизации скрытого протекционизма в рамках подэтапов БСЭ

Подтап «Противоборство фритредерства и протекционизма» (1920-е – 1970-е гг.)	Подтап «Вынужденное сосуществование фритредерства и протекционизма» (1970-е – 2010-е гг.)	Подэтап «Переосмысление протекционизма» (2010-е гг. – наст.врем.)
Перехват глобальной хозяйственной инициативы Соединенными Штатами Америки	Формирование основ экономического лидерства КНР, падение железного занавеса и завершение деколонизации	Укрепление китайского экономического влияния, индийский прорыв, закат идеи Нового американского века*, обретение нового геоэкономического вектора Глобального Юга и РФ
Зарождение основ биполярности и наднационального управления экономикой	Усиление интеграционных процессов, формирование современных экономических блоков	Новая биполярность – противостояние Глобального Севера и Глобального Юга во главе с экономическими лидерами

Подтап «Противоборство фритредерства и протекционизма» (1920-е – 1970-е гг.)	Подтап «Вынужденное сосуществование фритредерства и протекционизма» (1970-е – 2010-е гг.)	Подэтап «Переосмысление протекционизма» (2010-е гг. – наст.врем.)
Четвертая инновационная волна** – конвейер и автомобиль	Пятая инновационная волна – полупроводники и микропроцессоры	Шестая инновационная волна – квантовые нанотехнологии и новые материалы
Разрушение классической формулы капитала «деньги – товар – деньги штрих»	Начало цифровизации и финансиализации, постиндустриальное развитие «экономики услуг»	Крах западного энергетического перехода и сырьевой кризис
Появление международных картелей и углубление международного разделения труда	Появление ТНК и развитие глобальных цепочек создания добавленной стоимости	Деглобализация мировой экономики и дробление глобальных хозяйственных блоков
Выравнивание динамики мировой торговли и ВВП	Мировая торговля растет быстрее мирового ВВП	Мировая торговля растет медленнее мирового ВВП
Борьба двух идей, антагонистическое противостояние которых в крайней форме проявилось в ходе Первой и Второй мировых войн	Сосуществование двух идеологем и зарождение политики дуализма, как ответ Эпохе кризисов***	Политика внешнеторгового дуализма, смешение тарифных и нетарифных протекционистских политик, обострение «зеленой» повестки

*Новый американский век – концепция и одноименная организация, цель которой – продвижение американского глобального лидерства [9].

**Инновационная волна – коренное изменение технико-технологических основ общества, превосходящее промышленно-технологические революции [10].

***Эпоха кризисов (1973-2008 гг.) – период нефтяных и финансовых депрессий, порожденных борьбой за хозяйственное доминирование между США и претендентами на лидерство.

В 1947 г., несмотря на сопротивление стран Европы инициативе Соединенных Штатов, заинтересованных в распространении идеологии фритредерства, которая обеспечивала Америке дальнейший экономический рост, 23 государства подписали договор ГАТТ, ставший негласным условием для выделения европейским странам финансовой помощи в 1948 г., известной как «План Маршалла» (“Marshall Plan”). При этом сами проекты в развитие идеи доминирования парадигмы фритредерства для обеспечения роста мировой экономики в целом и снижения международной напряженности культивировались и развивались на этом этапе начиная с представленных в 1918 г. Четырнадцати пунктов (“The Fourteen Points”) В. Вильсона [11]. В итоге за 1913-1950 гг. мировой экспорт вырос на 50,4%, мировой ВВП – на 51,2% [12, р. 263], то есть противоборство двух начал внешнеторговой политики завершилось к концу подэтапа своего рода ничейным результатом.

Отправными точками подэтапа «Вынужденное сосуществование фритредерства и протекционизма» выступили завершение формирования контуров Третьего мира, становление экономического центра силы в Европе и возрождение экономической мощи Китая. В результате деколонизации, окончательно завершившейся объединением Вьетнама в 1975 г. [13], новые суверенные государства превратились из ресурсно-сырьевой базы развитых экономик в зону противостояния двух хозяйственных полюсов, итогом которого стало «форсирование» двигателя мировой экономики. Так, за десятилетие 2010-х гг. по темпам экономического роста (в среднем 4,9% годовых) Африка вышла на второе место в мире, уступив среди всех континентов только Азии во главе с Китаем [14].

К этому времени Китай, развернув активные экономические реформы на рубеже 1970-1980-х гг. и состыковав их со стремлением западных стран к переходу на постиндустриальную орбиту, сумел «разменять» доступ к емкому домашнему рынку на «инновационную трансплантацию» [15] и превратился в локомотив мировой экономики, показывая стабильный экономический рост на протяжении 50 лет. За 1980-1990 гг. ВВП КНР вырос на 188%, 1990-2000 гг. – 363%, 2000-2010 гг. – 474%, 2010-2020 гг. – на 118% [16]. Забегая вперед, скажем, что даже по итогам «пандемийного» 2020 г. китайская экономика – единственная среди топ-10 мирового хозяйства – оказалась в плюсе (2,3%) [17].

Одновременно с этим происходило формирование экономического центра в Европе. Первоначально процесс разворачивался в границах Европейское экономическое сообщество или зоны свободной торговли, созданной по Римскому договору 1957 г. противовесом социалистическому Совету Экономической Взаимопомощи, образованному в 1949 г. В результате расширения круга участников с 6 в 1957 г. до 9 в 1973 г. и 28 к 2011 г. (после Брекзита в 2020 г. осталось 27), перехода 19 стран на единую валюту (с 1 января 2023 г. Хорватия стала 20-м государством еврозоны), налаживания институтов наднационального регулирования (Маастрихт-1992, Амстердам-1997, Лиссабон-2007) и налоговой гармонизации доля ЕС в 2021 г. достигла 18% в мировом ВВП [18] и 31% – в мировом экспорте товаров и услуг [19].

Второй выделенный нами в рамках БСЭ подэтап совпал с подъемом пятой инновационной волны, которую разгоняли полупроводники и микропроцессоры, заложившие основы цифровой экономики, на которую к его завершению, по оценкам экспертов ЮНКТАД, приходилось до 15,5% мирового ВВП [20]. Цифровизация хозяйственной системы выступила фактором трансформации международных картелей в ТНК в 1960-1970-х гг. и позволила начать экономическую экспансию, завершившуюся формированием глобальных цепочек создания добавленной стоимости (ГЦДС), ставших основой роста мировой торговли и экономики на данном этапе. Согласно данным Всемирного банка, на ГЦДС в 2019 г. приходилось 50% мировой торговли, правда, снизившихся с 60% в 1990-х гг. в результате экономического спада 2008 г. [21, р. 49].

Дополнительным стимулом развитию мировой торговли рассматриваемого периода выступило, как показывают расчеты ГАТТ/ВТО, планомерное снижение среднемирового таможенного тарифа: на 38% по итогам Кеннеди-раунда (1964-1967 гг.), 33% – Токио-раунда (1973-1979 гг.), 38% – Уругвайского раунда (1986-1994 гг.) [22, р. 207]. Дальнейшее сокращение тарифных барьеров остановили противоречия между участниками организации, вскрывшиеся в рамках стартовавшего в 2001 г. Доха-раунда. В целом, за 1970-2008 гг. мировой экспорт вырос в 7,7, мировой импорт – в 7,6 раза при суммарном увеличении ВВП только в 3,3 раза. Однако уже в 2008-2020 гг. ситуация в корне поменялась: глобальный экспорт вырос в 1,25 [19], импорт – в 1,21 [23], а мировой ВВП – в 1,26 раза [16]. На этом отрезке на первый план выдвинулись нетарифные барьеры: стандартизация и навязывание регламентов, создание корпоративных и поименных «черных» списков, разнообразные формы санкционного давления, др. Этот разворот предопределили агрессивная «Глобализация 2.0» [3, с. 209] и политика «Протекционизма 2.0» [24, с. 37], остро проявившиеся в фазе третьего подэтапа.

Особенности протекционизма в условиях деглобализации XXI в.

Лейтмотивом третьего подэтапа «Переосмысление протекционизма», суть которого заключается в легализации защитных механизмов со стороны западных стран, выступили процессы деглобализации и декарбонизации, в апогее вылившиеся в нарастание гибридных, включая военно-политические формы, противостояний. Несмотря на рост индекса глобализации (КОФ Globalisation Index) в период 2002-2018 гг., наблюдалась устойчивая тенденция к «регионализации мировой экономики» [25] (сближение хозяйствующих субъектов в рамках региона или региональной организации). Это подтверждали не только политологи и экономисты, но и представители мировой бизнес-элиты. Так, согласно проведенному компанией Alix Partners осенью 2021 г. опросу 3 тыс. крупных – с годовой выручкой более 100 млн дол. – корпораций 9 стран (включая США, Китай,

Германию, Японию, др.), представлявших 9 отраслей, 69% руководителей назвали главной проблемой для современной мировой экономики последствия сбоя в цепочках поставок на фоне разрастающейся деглобализации [26]. Глобализация, которую выстраивали США последние 70 лет, стала утрачивать свой западнцентристский характер. При этом попытки Соединенных Штатов удержать растворяющуюся гегемонию в «последнем бою за лидерство» лишь усугубляли положение. По мнению профессора С. А. Караганова, в долгосрочной перспективе основным выгодоприобретателем глобализации впервые в Новой и Новейшей истории станет Глобальный Юг [27].

На наднациональном уровне угроза деглобализации появилась в глобальной повестке в середине 2000-х гг. Так, по итогам 2007 г., в топ-5 рисков, систематизируемых в ежегодных докладах Всемирного экономического форума, впервые попали угрозы, связанные с деглобализационными процессами, оставаясь в этом рейтинге до 2010 г. включительно. С 2011 г. «деглобализация» формально исчезла из топ-5 (в докладе-2021 составлен топ-7) угроз, но по факту стала выступать причиной появления новых рисков, таких как «геополитические конфликты» (2011 г.), «разбалансировка финансовых систем» (2012 г., 2013 г.), «угроза применения оружия массового поражения» (2013 г., 2015-2021 гг.), «крах усилий по защите климата» (2013-2021 гг.). Деглобализационные процессы привели к «истощению» результативности традиционных факторов экономического роста – низких торговых барьеров и глобального потока инвестиций, одновременно усилив макроэкономическую раздробленность и финансовое неравенство в мировом хозяйстве. Деглобализацию на стыке 2010-2020-х гг. стали разгонять протекционистские националистические политики (nationalist policies) и экономические конфронтации (economic confrontations) лидеров мировой экономики, а также усилившаяся «ресурсная геополитизация» (resource geopolitization) [28].

К новым форматам «протекционистской версии» глобализации, проявившимся с начала 2010-х гг., можно отнести:

- фрагментацию экономических блоков (образование крупнейшей в мире зоны свободной торговли RCEP без участия США в тихоокеанском регионе в 2020 г., формирование отстаивающих свои приоритеты подгрупп в ЕС, реформирование NAFTA в USMCA);

- дробление мировой экономики, выражающееся в замедлении процесса расширения ГЦДС (для которых 2014 г. стал первым некризисным годом с отрицательным вкладом в мировую торговлю [29, с. 17]), усилении технологического неравенства стран в рамках нового технологического уклада (что подтверждает, в частности, углубляющаяся пропасть доступности интернета для населения – от в среднем 87% в развитых странах до 17% и ниже в странах с низкими доходами [30]), опережающем росте спекулятивной экономики над реальной (когда, например, фьючерсный рынок нефти WTI в 2019 г. в 100 раз превышал средний объем реальной добычи этого сорта [31, с. 7]) др.;

- складывающийся тренд на ренационализацию мировой экономики: недееспособность наднациональных органов приводит к тому, что национальные государства и свойственная им защитная политика выходят на первый план в хозяйственной деятельности, подтверждением чего могут, например, выступать сворачивание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства в 2016 г., выход из ЕС в 2020 г. Великобритании, второго по объему ВВП участника интеграционного объединения, глобальный кризис ВТО в рамках Доха-раунда;

- все более откровенный переход от «торговых» методов противостояния к «силовым» («жесткая конкуренция» США с Китаем, появление «торгово-силовых» союзов формата AUKUS, QUAD и Глубоководного тихоокеанского партнерства, фактическая легализация арестов граждан противоборствующей сторон и финансовых активов иностранных государств, юридических и физических лиц, др.);

Внешнеторговый дуализм государств-лидеров мирового пелотона, особенно выпукло высветился в связи с активацией глобальной климатической повестки в начале XXI в.

- во-первых, при «назначении» третьим странам экологически «верных» энергоносителей (обещания США «полностью изменить» топливный рынок Европы поставками американского СПГ

[32] в обмен на отказ от потребления трубопроводного газа России или объявление экологически «здоровой» только возобновляемой энергии);

- во-вторых, в формировании путей обхода регулирующих регламентов ВТО под прикрытием идеологии «зеленого» протекционизма (например, запуском Carbon Border Adjustment Mechanism);
- в-третьих, в переплетении стратегических целей укрепления собственных позиций на мировых рынках технологий и оборудования для декарбонизации экономики с идеями борьбы за «зеленое» благоденствие (при отсутствии в мировой практике фактов подтверждения реалистичности концепции абсолютного декаплинга, то есть возможности обеспечить экономический рост не увеличивая потребление сырьевых ресурсов [33, с. 51-52]).

Дуалистичная внешнеторговая политика способствовала утверждению в практике современных международных экономических отношений доминанты формулы «никогда против друг друга, не всегда вместе» в мировом масштабе. Соединенные Штаты в попытках удержать экономическую гегемонию, неудержимо переходящую Китаю, своими руками начали Холодную войну 2.0 [34]. Однако в сложившихся реалиях, когда экономические системы стран мира плотно взаимосвязаны друг от друга, борьбу один на один вести невозможно. Поэтому противостояние приобретает укрупненный характер: Глобальный Север во главе с США и Глобальный Юг во главе с лидирующими развивающимися странами. Вместе с этим продолжается еще большая фрагментация мировой экономики. Мир без ограничений остался в прошлом. Теперь большинство политиков и экспертов признают, что «некоторые национальные границы» (и необходимая защитная политика для их соблюдения) являются ключом к экономическому развитию и безопасности [35].

Как следствие, этапы открытой экономической конфронтации на стыке 2010-2020-х гг. трансформировались в новые формы легализованного и оправданного юридическими и международными нормами протекционизма, которые, в свою очередь, приводят к замедлению темпов роста международной торговли. В динамике мировой торговли в целом за десятилетие 2010-2020-х гг., по данным Всемирного банка, впервые за последние 60 лет наблюдались многолетние периоды спада. В 2014-2016 гг. мировой экспорт упал на 14,3%, импорт – на 14,1%, за 2018-2020 гг., соответственно, на 11,2 [19] и 13,3% [23] во многом в результате двух факторов. Во-первых, из-за замедления китайской экономики (темпы прироста ВВП сократились с устойчивых 10,6% в 2010 г. до 7% в 2015 г. и 2,3% по итогам 2020 г. [36]) и сокращения ее экспортно-импортного оборота (доля экспортно-импортных операций в ВВП КНР уменьшилась с 56% в 2010 г. до 44,2% в 2015 г. и 37,5% в 2020 г. [37]) в контексте закрепленной в плане XIV пятилетки (2021-2025 гг.) концепции «двойной циркуляции», означающей упор на внутренние рынки в дальнейшем экономическом развитии [38, с. 4-5]. Во-вторых, вследствие падения мировой торговли в пандемийный период 2019-2021 гг. на 32% и последующего удорожания энергоресурсов и металлического сырья [39].

Ключевые факторы развития и легализации скрытого протекционизма в XXI в.

В результате событий 2022 г. началась реструктуризация архитектуры международных экономических отношений и переосмысление их теоретического фундамента. По оценкам нобелевского лауреата Дж. Стиглица, теория «экономического просачивания» (trickle-down effect), предполагавшая рациональное перераспределение благ в мировой экономике в случае обогащения Глобального Севера, полностью провалилась. Так, за 2000-2020 гг. налоговые поступления в ЕС снизились с 20,3 до 19,5% ВВП, а в США – с 13 до 9,9% [40]. При этом прибыль богатейших компаний не перераспределялась между странами, а, наоборот, лишь укореняла проблему монополизации экономик и увеличивала разрыв в неравенстве доходов между представителями «золотого миллиарда» и развивающимися государствами [35]. Согласно исследованиям специалистов Парижской школы экономики, 50% мирового населения в 2021 г. получали в среднем 8% мировых доходов, в то время как 10% богатейших – 52% [31].

Именно монополизация рынков со стороны транснациональных компаний, при негласной поддержке правительства Соединенных Штатов Америки, насаждавших в мировой экономической

практике идеи дерегулирования, приводила к катастрофическому дефициту важнейших позиций в кризисные периоды, например, микрочипов и полупроводников в разгар пандемии Covid-19, «вакцинному апартеиду», нехватке смесей детского питания в США весной 2022 г., пр. В этой связи показательно замечание другого нобелиата, П. Кругмана, сделанное им летом 2022 г. по возвращении из тура по Европе: «...в наши дни Америка кажется не более, а в некоторых отношениях и менее развитой, чем другие западные страны...» [42]. Главной же причиной отставания П. Кругман называет отсутствие системы протекционизма, которая в современных реалиях должна выходить за рамки одной только экономической сферы: «...мы стали хуже действовать по защите себя и других во всем – от вакцинации до вождения на ответственной скорости». С мнением П. Кругмана согласен и критикуемый им 45-й президент США (2017-2021 гг.) Д. Трамп: «США больше не великая страна, это страна упадка...» [43]. Западные эксперты, с учетом сложившихся обстоятельств, предлагают начать процесс переосмысления глобализации: «...задача состоит в том, чтобы установить соответствующие глобальные нормы, с помощью которых можно было бы отличать...протекционизм от легальных ответов на вопросы...безопасности» [44].

Из главных детерминант развития скрытого протекционизма в период 2010-2020-х гг. выделим, прежде всего, обострение противостояния стран Глобального Севера и Глобального Юга [45]. Перетекание хозяйственной инициативы в Китайскую народную республику заставляет блок западных стран (текущих хозяйственных гегемонов) делать ставку на развитие прорывных нарождающихся индустрий. Для их поддержки и развития требуется совпадение нескольких важных условий. Во-первых, необходимо восстановить утраченный промышленный потенциал, потерянный в ходе ускоренной деиндустриализации 1980-1990-х гг. (доля США в мировом промышленном производстве за 2000-2021 гг. упала с 25,1 до 15,5% [46]). Во-вторых, становится очевидно, что «новая экономическая мощь принадлежит многосторонним сетевым платформам (multilateral platforms)» [47], а потому крайне важно обеспечить выход экономики знаний на новый, цифровой технологический уровень.

Однако здесь заявляет о себе вторая детерминанта: отсутствие собственной доступной сырьевой и дешевой энергетической базы, необходимой для становления нового витка экономики знаний – «виртуальной цифровой экономики» [45] – и нового капитализма. Чтобы компенсировать товарный и энергетический дефицит, необходимо восстанавливать «грязную» традиционную промышленность, которой также потребуются дополнительная энергия. Однако обеспечивающий 50% мирового спроса на энергию нефтегазовый сектор серьезно недоинвестирован: снижение инвестиций в отрасль с пика в 900 млрд долларов в 2014 г. до 300 млрд долларов в 2020 г. привело к тому, что средняя обеспеченность доказанными мировыми запасами сократилась вдвое — с 50 до 25 лет [48, с. 44].

Третьей детерминантой раскручивания модели скрытого протекционизма выступает обостряющийся конфликт между системой контроля ВТО и растущим спросом на протекционизм в результате формирования новой биполярности. Лидеры западных стран понимают, что фритредерские правила открытого экономического мира придется нарушать в угоду обеспечения экономического роста [35]. В этой связи Глобальный Север вынужден легализовать запретительные и протекционистские меры пояснениями необходимости борьбы «за демократию» [49], «зеленое будущее», «социальное равенство».

Главной особенностью легализованного скрытого протекционизма, сформировавшегося к третьему десятилетию XXI в. является его экстерриториальный характер. Перенос экономических барьеров и практики применения защитного инструментария на территории государств-конкурентов стали возможны вследствие глобальной цифровизации, финансиализации и развития ГЦДС. Самым ярким проявлением подобной экстерриториальности можно назвать торгово-силовые конфликты – от навязывания «зеленой» повестки и «либерального тоталитаризма» внутри интеграционных блоков до санкционного выдавливания с рынков и прямого военного вмешательства – являются основными и наиболее эффективными способами расширения экстерриториальности неопротекционизма.

Рост спроса на «легальные» защитные механизмы, неподконтрольные наднациональным органам, ярко иллюстрирует 220%-й рост протекционистских мер в мире за 2018-2022 гг. [50] При этом на первый план выходят гибридные конфликты и торгово-силовое принуждение, в том числе, нередко, и своих партнеров. Яркая иллюстрация их применения – усилия США по втягиванию всех стран блока НАТО в американскую стратегическую программу сдерживания КНР через эскалацию конфликта на Украине в 2014-2022 гг. Тем самым, используя в противостоянии с Россией украинскую карту, Соединенные Штаты запустили эффект «бильярдного шара»: усилили давление на Китай и связали руки европейским союзникам, навязывая им замену российского трубопроводного американским сжиженным природным газом, требуя выполнения 10-летней давности директивы о доведении военных расходов до 2% ВВП [51, с. 20], пр. В результате, например, природный газ, начавший дорожать в Евроне с осени 2021 г., уже 15 июня 2022 г. на газовом хабе ТТФ в Нидерландах стоил в 7,7 раза дороже [52], чем на Нью-Йоркской товарной бирже в тот же день (в эквивалентном сопоставлении 1821,2 против 243,3 дол. за 1 тыс. куб. метров [53]), и, несмотря на частичную стабилизацию цен к концу 2022 г., европейская промышленность оказалась под угрозой деиндустриализации. Напротив, американская экономика, не обремененная санкциями на российское топливо (8 марта 2022 г. США вывели российский уран, обеспечивавший 20% генерируемой в стране атомными электростанциями энергии, из-под санкций на импорт [54, с. 11]) в это же время тратила на оплату источников первичной энергии всего лишь 4,4% ВВП или в 2 с лишним раза меньше европейских стран. В складывающихся обстоятельствах – об автоматическом снижении конкурентоспособности европейской продукции можно, наверное, не говорить – важнее отметить просматривающийся у США «мотив продолжать операцию (на Украине – Авт.) как можно дольше» [55, с. 9].

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Страны Глобального Севера для удержания своего экономического лидерства в борьбе с Глобальным Югом встали перед необходимостью развития прорывных индустрий и восстановления утраченного промышленного потенциала. Обострение конфликта с блоком стран, претендующих на гегемонию, а также борьба за сырьевую базу, послужили прикрытием для легализации системы скрытого протекционизма и ее внедрения в смежные с экономикой сферы. К третьему десятилетию XXI в. обновленные «легальные» защитные механизмы выступают одним из главных инструментов сдерживания потенциального экономического роста конкурента.

Растущая потребность в доступном и дешевом энергосырье привела к формированию нового меркантилистского тренда, в рамках которого ведущие страны мирового хозяйства стараются аккумулировать сырьевые запасы, производственные мощности и технологические компетенции. При этом шестая инновационная волна вносит коррективы, при которых модель классического накопления ресурсов и капитала себя исчерпала: легкоизвлекаемая сырьевая база истощается, а политика деиндустриализации западных стран создала промышленные диспропорции, в рамках которых инновации невозможно мультиплицировать и сделать коммерчески выгодными, так как сами по себе технологии без индустриального фундамента и квалифицированного сопровождения малополезны [56, с. 149].

Торгово-силовые и гибридные конфликты, ставшие апофеозом дуалистичной политики и переводящие скрытый протекционизм в разряд легализованного и открытого, приводят к замедлению мировой экономики в целом и обострению глобальных проблем – например, замедление процесса расширения ЦДДС [29, с. 17] и резкому росту числа потенциальных людей, страдающих от голода. Кроме того, они приводят к фрагментации и деглобализации мировой экономики, снижая инновационную активность в целом. Таким образом переосмысленная западными странами модель легального протекционизма оказывает на мировое хозяйство деструктивный эффект, способный вызвать новый виток всемирной депрессии.

Мировую экономику в среднесрочной перспективе ждет период регионализации и растущего

протекционизма. Национальные государства в составе региональных блоков будут ключевыми акторами грядущего изменения архитектуры и институционального фундамента мировой экономики. При этом, можно предположить, что хозяйственная инициатива продолжит смещаться в сторону быстро индустриализирующихся развивающихся стран.

На наш взгляд, возможный выход из современной ситуации будет строиться на разрешении дилеммы между протекционистами, считающими развитие и защиту национальной промышленности ключом к преодолению хозяйственных вызовов и кризисов, и фритредерами, отстаивающими идею о неизбежности сплачивания национальных экономик для преодоления глобальных рисков. Опираясь на идею о циклах воплощения теоретических концепций в 45-50 лет [57], можно предположить, что мировую экономику ждет эпоха неоизоляционизма и новой модели меркантилизма, которые будут господствовать ближайшие 20-30 лет. Дробление глобальной хозяйственной системы и фрагментация мировых геоэкономических блоков продолжится, а сформировавшиеся альянсы, соревнуясь за экономическое лидерство, продолжат глобализацию, но в региональном варианте – внутри самих себя. Мы поддерживаем точку зрения ряда отечественных [58, 59] и зарубежных [60] специалистов, согласно которой бенефициарами складывающейся экономической системы, скорее всего, станут страны Глобального Юга, которые во второй половине нового подэтапа постараются реализовать потенциал нового витка мировой глобализации, которая для своего успешного запуска должна будет учитывать интересы всех глобальных игроков. Одно определенно ясно, что победитель противостояния ключевых концепций и идеологем внешней торговли определит картину мировой экономики и вектор теоретического развития в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мальцев А. А., Чичилимов С. В. К вопросу об эволюции противостояния концепций фри-трейдерства и протекционизма в XX–XXI вв. // Вестник Института экономики РАН. 2023. № 1. С. 21–39. – DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_21_39
2. Reinert E. How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. London: Constable & Robinson, 2008. 580 p.
3. Дынкин А. А. Международная турбулентность и Россия // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 208–219. – DOI: 10.31857/S0869587320030032
4. Уильямсон Д. Глобальная миграция // Финансы & Развитие. 2006 (сентябрь). С. 23–27.
5. The World Bank Data. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> (дата обращения 04. 03. 2023).
6. Минаев С. Крах, Британия // Коммерсантъ. 2017 (17 сентября). [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3409691> (дата обращения 04. 03. 2023).
7. Tariff of 1930. Federal Reserve archive. 1930. [Электронный ресурс] URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/tariff-1930-smoot-hawley-tariff-5882> (дата обращения 04. 03. 2023).
8. Irwin D. Trade Policy Disaster: Lessons from the 1930s. Boston: The MIT Press, 2011. 216 p.
9. About PNAS. Project for the New American Century. [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20131006055540/http://www.newamericancentury.org/aboutpnac.htm> (дата обращения 04. 03. 2023).
10. Травкина Н. М. Цифровизация общества: альтернативные проекты Будущего // США & Канада: Экономика-Политика-Культура. 2022. №6. С. 50–70. – DOI: 10.31857/S2686673022060049
11. Address of the President of the United States, delivered at a joint session of the two houses of Congress, January 8, 1918. [Электронный ресурс] URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-joint-session-congress-the-conditions-peace-the-fourteen-points> (дата обращения 04. 03. 2023).
12. Maddison A. The World Economy. Development Centre Studies. Paris: OECD Publishing, 2006. 643 p.
13. Пушков А. «Афганский синдром» // Российская газета. 2021. № 216 (21 сентября). С. 14.
14. Рождественская Я. Экономический бум в Африке. Коммерсантъ. 2012 (30 июля). [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1991640> (дата обращения 04. 03. 2023).
15. Вэй Л., Дэвис Б. Как Китай отбирает технологии у американских компаний. Ведомости. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/10/01/782514-na> (дата обращения 04. 03. 2023).
16. The World Bank Data. GDP (current US\$) – China. [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=CN> (дата обращения 04. 03. 2023).
17. The World Bank Data. [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (дата обращения 04. 03. 2023).
18. The World Bank Data. GDP (current US\$). [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD> (дата обращения 04.03. 2023).
19. The World Bank Data. Exports of goods and services (current US\$). [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD> (дата обращения 04. 03. 2023).
20. Доклад о цифровой экономике. Создание стоимости и получение выгод: последствия для развивающихся стран. ЮНКТАД: Женева, 2019. 31 с.
21. World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains. The World Bank. Washington. 266 p.
22. World Trade Report 2007: Six decades of multilateral trade cooperation: What have we learnt? WTO. Lausanne. 388 p.
23. The World Bank Data. Imports of goods and services (current US\$). [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS>. (дата обращения 04. 03. 2023).

24. Миловидов В. Д., Аскер-Заде Н. В. Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т.64. № 8. С. 37-55. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45.
25. Kissinger G. We are now living in a totally new era. *Financial times*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ft.com/content/cd88912d-506a-41d4-b38f-0c37cb7f0e2f> (дата обращения 04. 03. 2023).
26. 2022 AlixPartners Disruption Index. Alix Partners. [Электронный ресурс] URL: <https://www.alixpartners.com/disruption/supply-chain/> (дата обращения 04. 03. 2023).
27. Право знать! Эфир от 25.06.22 (ТВЦ). 2022 [Электронный ресурс] URL: https://www.tvc.ru/channel/brand/id/1756/show/episodes/episode_id/77028 (дата обращения 04. 03. 2023).
28. The Global Risks Report 2020. 15th ed. WEF. [Электронный ресурс] URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf (дата обращения 04. 03. 2023).
29. Обухова Е. Торговля не заметила войны // *Эксперт*. 2019. № 49. С. 13-17.
30. The Global Risks Report 2021. 16th ed. WEF. [Электронный ресурс] URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf (дата обращения 04. 03. 2023).
31. Нефть в цене // Приложение «Нефтяной рынок: просто о сложном» к журналу «Сибирская нефть». 2019. № 166. С. 2-7.
32. Петлевой В. США начинают поставки газа в Европу. *Ведомости*. 2016 (21 апреля). [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/04/21/638550-ssha-nachinayut-postavki-gaza-evropu> (дата обращения 04. 03. 2023).
33. Алабужин И. Европе остро не хватает энергии, но она не может открыто признаться в этом // *Эксперт*. 2021. № 44. С. 50-53.
34. Stiglitz. J. E. How the U.S. Could Lose the New Cold War. *Scheerpost*. 2022 (22 June). [Электронный ресурс] URL: <https://scheerpost.com/2022/06/22/joseph-e-stiglitz-how-the-u-s-could-lose-the-new-cold-war/> (дата обращения 04. 03. 2023).
35. Stiglitz. J. E. How the U.S. Getting Deglobalization Right. *Project Syndicate*. 2022 (31 May). [Электронный ресурс] URL <https://www.project-syndicate.org/commentary/deglobalization-and-its-discontents-by-joseph-e-stiglitz-2022-05> (дата обращения 04. 03. 2023).
36. The World Bank Data. GDP growth (current US\$). [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD> (дата обращения 04. 03. 2023).
37. The World Bank Data. Trade (% of GDP). [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD> (дата обращения 04. 03. 2023).
38. Щепин К. Движение вверх // *Дыхание Китая*. 2020. № 253 (11 ноября). С. 4-7.
39. Едовина Т. Мировая торговля оправилась от пандемии. *Коммерсантъ*. 2022 (18 февраля). [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5218845> (дата обращения 04. 03. 2023).
40. The World Bank Data. Tax revenue (% of GDP). [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.TAX.TOTL.GD.ZS> (дата обращения 04. 03. 2023).
41. World Inequality Report 2022. World Inequality lab. [Электронный ресурс] URL: <https://wir2022.wid.world/> (дата обращения 04. 03. 2023).
42. Krugman P. How America lost its edge. *The Berkshire Edge*. 2022 (14 June). [Электронный ресурс] URL: https://www.berkshireeagle.com/opinion/columnists/paul-krugman-how-america-lost-its-edge/article_b358edd2-ecdf-11ec-b9ca-e7bc429be8fc.html (дата обращения 04. 03. 2023).
43. Трамп назвал США «страной упадка». *Коммерсантъ*. 2022 (26 июня). [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5434112> (дата обращения 04. 03. 2023).
44. Stiglitz J. E. Shock therapy for neoliberals. *Project Syndicate*. 2022 (5 April). [Электронный ресурс] URL <https://www.project-syndicate.org/commentary/russia-war-covid-global-shocks-reveal-bankruptcy-of-neoliberalism-by-joseph-e-stiglitz-2022-04?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 04.03.2023).
45. Lange S. Digitalization and energy consumption. Does ICT reduce energy demand? // *Ecological Economics*. 2020. № 176. P. 2-14.

46. The World Bank Data. Manufacturing, value added (current US\$). [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD?view=chart> (дата обращения 04. 03. 2023).
47. Tirole J. L'Europe ouvre la bonne voie pour réguler les géants du Net, l'héritage de Jean Tirole. *Challenges*. 2022 (25 June). [Электронный ресурс] URL: https://www.challenges.fr/high-tech/l-europe-ouvre-la-bonne-voie-pour-reguler-les-geants-du-net_818317 (дата обращения 04. 03. 2023).
48. Сечин И. И. Второе похищение Европы // *Эксперт*. 2022. № 45. С. 42-49.
49. Работающие, но болезненные. Шольц оценил антироссийские санкции. РИА Новости. 2022 (21 июня). [Электронный ресурс] URL: <https://secretmag.ru/news/rabotayushie-no-boleznennye-sholc-ocenil-antirossiiskie-sankcii-21-06-2022.htm> (дата обращения 04. 03. 2023).
50. Global Trade Alert Data. [Электронный ресурс] URL: <https://www.globaltradealert.org/> (дата обращения 04. 03. 2023).
51. Смирнов А. Демонстрация единства и борьбы противоположностей // *Эксперт*. 2022. № 27. С. 18-21.
52. Market Index. Yahoo finance. [Электронный ресурс] URL: <https://finance.yahoo.com/> (дата обращения 04. 03. 2023).
53. Market Data. The Wall Street Journal. [Электронный ресурс] URL: <https://www.wsj.com/> (дата обращения 04. 03. 2023).
54. Гурова Т. Перестали падать. Отжимаемся // *Эксперт*. 2022. № 27. С. 11.
55. Огородников Е. Берлин: западный или восточный // *Эксперт*. 2022. № 17-18. С. 9.
56. Иноземцев В. Л. Экономика без догм: как США создают новый экономический порядок. Москва: Альпина Паблишер. 2021. 266 с.
57. Мальцев А. А., Чичилимов С. В. К вопросу о типологии и проявлениях скрытого протекционизма в XXI в. Глава монографии. Риски и возможности развития регионов России в условиях санкционного давления. Под редакцией Ю. Г. Лавриковой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. С.531-541. DOI: 10.17059/669-1
58. Иноземцев В. Л., Караганов С. В. О мировом порядке XXI века // *Россия в глобальной политике*. 2003. Т. 3. № 1. С. 15.
59. Бабаев К. В. Новый поворот // *Российская газета*. 2022. № 151 (14 июля). С. 6.
60. Blair T. Tony Blair's Speech at the Ditchley Annual Lecture, Saturday 16 July 2022. Tony Blair Institute for Global Change. [Электронный ресурс] URL: <https://institute.global/tony-blair/tony-blairs-speech-after-ukraine-what-lessons-now-western-leadership> (дата обращения 04. 03. 2023).

Activation of the policy of hidden protectionism in the XX-XXI centuries

Chichilimov Sergey Valerievich

graduate student

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Federation.

e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com

Аннотация. During the XX-XXI centuries, the opposition between the concepts of free trade and protectionism grew. The purpose of the study: to identify the key factors of activation and the main features of the emerging policy of legalized hidden protectionism in the world foreign trade practice. Subject of study: hidden protection mechanisms used by the leaders of the global economic system and contenders for their place within the framework of the study period. Synthesis, bibliographic and retrospective analysis, comparison and system-structural approach formed the basis of the methodological apparatus. The working hypothesis of the study is to prove the activation of instruments of hidden protectionism legalized at the state level in the framework of the struggle for world economic hegemony. During the study, three sub-stages of the formation of the system of hidden protectionism during the 20th-21st centuries were identified. Determined that under the conditions of Western-centric globalization, which is characterized by the dualism of the foreign trade policy of economic hegemons, there was an accelerated formation and development of a system of covert protectionism. By the third decade of the XXI century the collapse of the globalization model built by the economic leaders of the period under study led to the beginning of the formation of a multipolar world and an increase in competition between hegemons and contenders for their place. At the same time, the system of hidden protectionism was updated, the catalysts for which were the intensification of the confrontation between the Global North and the Global South, the aggravation of the energy crisis, and the aggravation of the remaining unresolved contradictions of the “unipolar” period. One of the main features of the updated version of covert protectionism is the increasing legalization of protective tools at the national level and, as a result, the establishment of trade-force and sanctions methods of influencing a competitor.

Ключевые слова: globalization, international trade, world economy, protectionism, free trade, hidden protectionism